

ЦЕРКОВЬ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ РЕФОРМАЦИИ

Пандемия ворвалась в нашу привычную жизнь неожиданно и изменила ее до неузнаваемости. Постепенно все стали говорить о ней, даже упорные скептики и конспирологи согласились с тем, что мы имеем дело с чем-то серьезным по своим последствиям для всех сфер жизни. Заговорили об экономике, полетах, границах, ценах на нефть, угрозе голода. Во всем этом церковь казалась островком стабильности. Пока ограничения не коснулись и ее.

Мы все приняли эти ограничения неохотно, с внутренним сопротивлением и недоумением. Мы все хотели бы, чтобы церковь оставалась открытой и действующей, чтобы она была очагом надежды и помощи.

Мы привыкли, что Бог судит мир, а церковь остается в стороне, наблюдая, поучая, призывая. И лишь теперь мы поняли, что церковь была частью этого мира, частью сложившегося образа этого мира. Мы поняли, что если меняется мир, то будет меняться и церковь в ее отношении к миру.

Теперь мы говорим не только о пандемии, мы начинаем говорить о церкви во время пандемии. Т. е. мы говорим о том, что вся эта ситуация означает для церкви, что Бог хочет сказать церкви, что Бог хочет сказать через мир – церкви и через церковь – миру.

Мы привыкли говорить, проповедовать миру. При этом мы почти забыли, что приглашены слышать то, «что Дух говорит церквам» (Откр. 2:7, 11, 17, 29; 3:6, 13, 22).

Когда я думаю о том, что все эти события значат для нас, точнее, что Бог через все эти события хочет сказать церкви, то мне приходит на ум одно слово: реформация. Чтобы оно не уводило нас в глубину истории, можно заменить его другими словами – преобразование, исправление, обновление.

Если вспомнить наследие европейской Реформации, то мы как евангельские протестанты должны следовать принципу *Ecclesia semper reformanda est* («церковь должна быть постоянно реформируемой»). Это обязывает нас продолжать начатое, это обязывает продолжать Реформацию как бесконечный процесс церковного обновления, возвращения к истокам, духовного возрождения.

Продолжать Реформацию как бесконечный процесс никому не хочется, особенно когда положение дел становится привычным и неплохим. Поэтому я смею утверждать, что протестанты, в том числе и евангельские протестанты, Реформацию оставили в истории и на том остановились. То, что многие церкви пошли дальше в борьбе с миром или в противостоянии ему, мало что меняет. Это были разные формы реакции, но не Реформации как альтернативного процесса. Все эти реакции были частью встраивания церкви в порядок секулярного мира. Церковь перестала отстаивать свой образ мира и своей образ будущего, утратила свою преобразующую силу. Церковь стала стареть вместе с цивилизацией, протестантская этика и дух капитализма так слились, что даже умирают неразлучно.

Это несколько другая тема, но здесь важно понять, что церковь утратила волю к переменам и динамику внутреннего обновления.

В этом контексте пандемия может рассматриваться как стимул к реформации. Вполне возможно, что реформация уже происходит, реформация неожиданная, неподготовленная, неуправляемая нами.

Если церковь не хочет и не может быть источником перемен в обществе, то тогда Бог производит эти перемены Своим, известным лишь Ему, образом. И эти внешние вызовы становятся источником церковной реформации, нежелательной и неудобной, но жизненно необходимой.

Я хочу назвать лишь пять из возможных направлений, которые может принять этот процесс изменений применительно к церкви. Итак, что такое продолжающаяся реформация для церкви в условиях пандемии?

Во-первых, продолжающаяся реформация – это постоянный поиск наиболее оптимальной формы для церковной жизни и служения.

Мы знаем и верим: церковь, которая научилась выживать в римских катакомбах и советских тюрьмах и лагерях, не умрет и во время карантина. Но вот вопрос: способны ли мы найти новые церковные формы, которые будут отвечать новым формам общественной жизни?

Журналисты говорят, что церкви не приспособлены к условиям карантина. Неужели они

правы? Конечно, если мы не хотим их слушать и не собираемся меняться, то можем отмахнуться от них как от «либеральных медиа» и «фейк ньюз». Но может все-таки послушать и подумать?

Вот мы говорили, что церковь – это не здание. А теперь, готовы ли повторить то же самое? Или мы переоценили эти вещи и не готовы так легко расставаться с привычными формами организации?

Ностальгия за старыми формами общения понятна и естественна, но она не помогает, лишь отвлекает. Хотя и напоминает о том, что стоит сохранить и взять с собой в новую эпоху. Если нам так больно без этого, значит, оно было ценно для нас больше, чем мы думали. Если мы потерялись без зданий и воскресных служений, то каково тогда их реальное значение для нашего христианства и каков реальный порядок наших приоритетов?

Так что же такое церковь? Как она может выполнять свою миссию без зданий и общих собраний?

Мы слышим все больше о микроцеркви, о домашних церквях. Каждый ли дом, каждая ли семья могут стать такими малыми, но настоящими церквями?

Онлайн-церковь кажется более легким и доступным форматом церковности. Но как быть с зависимостью от онлайн, ограничениями онлайн, побочными эффектами и недостатками?

А что мы будем делать, если вдруг выключат Интернет? «Обнулимся»? А что если там будут все больше регулировать и ограничивать? Согласимся на все сразу? Будем устраивать «онлайн-протесты»?

Как мы можем оставаться свободными, если кроме онлайн от церкви ничего не останется? Эти и подобные им вопросы множатся и усложняются.

Мы вступаем на новую для нас территорию, карта и правила которой будут меняться. При этом понятно, что мы должны быть более свободными, гибкими и творческими в работе с новыми форматами церковности.

Те, кто раньше это поняли, начали эксперименты, но не всегда в нужном направлении. Многие пошли в направлении гламура и развлечений. Сейчас же нужно идти в противоположном направлении – упрощения, смирения, скромности, доступности, простоты. Ничего лишнего. Все должно быть функционально, прагматично, инструментально.

В этом смысле становится ясно, что Интернет не заменяет другие формы общения, это всего лишь один из многих инструментов общения. Его монополия может быть большой угрозой. Поэтому онлайн должен дополняться другими форматами общения, прежде всего личными и микросоциальными.

Помня об ответственности перед Главой Церкви, мы не должны быть заложниками прежних форм или новых рекламных предложений, но должны быть свободными и послушными Духу. «Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4:21, 23).

Мы привыкли к старым формам и с трудом мыслим церковь без них. Но сейчас пришло время освободиться от этой зависимости. Если даже они будут вновь доступными, они не должны больше определять наше понимание церкви и ограничивать церковь в ее служении.

Вряд ли кто-то из богословов думал о таком сценарии, но сегодняшний кризис из-за пандемии может быть временем для продолжения остановившейся реформации по направлению к «церкви без стен» – более простому, открытому и творческому христианству.

Во-вторых, продолжающаяся реформация нашей церкви требует постоянного переосмысления и переоценки наших ценностей с акцентом на самом важном.

Что для нас самое главное? В чем суть Евангелия? О чем мы проповедуем и поем? За что боремся? К чему стремимся?

Переживая о личном успехе, численности наших общин, эффективности нашей миссии, мы думали о том, чем и как привлечь и развлечь. Сегодня нужно думать о том, чем лечить, чем кормить, как спасать.

Все верно, нам нужно ориентироваться на потребности людей. Но на какие именно? На самые глубокие и настоящие.

Прямо сейчас происходит переориентация на самые базовые, жизненно важные потребности людей – в смысле, общении, вере, надежде, любви.

Еще вчера церкви старались быть ресторанами, соревнуясь друг с другом в изысканной кухне, дизайне и сервисе. Сейчас время печь самый простой хлеб и спасать людей от голода.

Во времена стабильности церковь расширяла диапазон своих служений и украшала себя. Во время кризиса церковь пересматривала свои приоритеты и бюджеты, фокусируясь на самом важном. Очевидно, что для наших церквей наступает время переучета и перераспределения ресурсов, переоценки и переподчинения всех и всего одной-двум главным задачам. О чем мы переживаем в первую очередь? О том, что будет с нами? Или о том, как мы можем послужить в это время другим? О будущем нашей организации или о жизни людей? Как воспользоваться ситуацией и вырваться вперед или как понять волю Божию и выполнить ее?

В-третьих, продолжающаяся реформация – это стремление к полноте церковного участия в служении. Как напоминают нам богословы Лозаннского движения за всемирную евангелизацию, «вся церковь несет все Евангелие всему миру» («Whole Gospel, Whole Church, Whole World»).

То есть только вся церковь – в полноте ее тела, в единстве призваний и разнообразности даров, – может возвещать целостное Евангелие всему миру в многообразии его народов и культур, нужд и вопросов.

Нам нужно волевое, настоящее, не декларативное возвращение к всеобщему священству, преодоление порочного деления на клир и мир, восстановление живой общинности и взаимоскрепляющих связей.

Мы слышим беспокойный шепот: «Что будет, если первый пастор заболеет?». И понимаем, что кадровых резервов нет, скамья помощников и запасных очень короткая.

При этом лидеры церквей боятся того, что порядок и контроль будут потеряны, что каждый в своем доме будет сам себе пастор. Отчасти это так, в условиях карантина каждый выживает, как может, и становится своего рода лидером, каждый отец семейства вспоминает о своей священнической роли. И этот опыт лидерства изменит всех. Если люди смогли выжить без привычных форматов церковности, они вряд ли согласятся вернуться к ним без дополнительных

аргументов и бонусов. Доступ в Интернет позволяет легко найти всю нужную информацию и церковь на любой вкус. Этой свободы уже не отнять. Вопрос в другом: как, не борясь со свободой, оградить наших братьев и сестер по вере от опасностей мнимой свободы и направить в сторону обновления общинности, творческого служения дарами друг другу и миру?

После выхода из карантина будет нужна новая активация всех членов церкви, но не просто для возвращения в «как раньше». Нужно будет заново осмыслить и проговорить преимущества нашей общинной жизни, задачи нашей общей миссии, права и свободы отдельных членов и групп. Лишь так мы сможем собрать всю церковь вместе, в том числе потерянных в сети и спящих на задних скамейках.

Хорошо, что в этом направлении к обновленной общинности мы можем начать с общих и свободных дискуссий, а не с приказов или решений правлений и советов. В онлайн-формате стало возможным общецерковное обсуждение актуальных тем – по группам, по семьям, по интересам.

Возможно, настало время виртуальных соборов, когда церковь мирян начнет неспешно и с разных сторон разбирать и проговаривать вопросы, которых ранее боялись, которые упрямо игнорировали.

Раньше наши встречи были слишком деловыми, мы не успевали обсудить действительно важные

вопросы. Может быть, сейчас пришло такое время? Время для оперативных консультаций и стратегических дискуссий, в которых каждый может участвовать если не советом, то вопросом и комментарием.

Перенастройка взаимоскрепляющих связей будет связана с переоткрытием ценности каждого отдельного человека. После карантина нужно будет обойти всех членов и друзей церкви и заново «подключить» их к общине – спросить о том, как они пережили трудное время, чем церковь может им помочь, а также как и чем они могли бы послужить церкви и ее миссии.

Наши церкви были частично парализованы, далеко не все члены и дары тела Христового были признаны нужными и важными для служения. Сегодня предоставляется возможность пересобрать общину так, чтобы никто не остался без внимания и задания, без признания и призвания, без опеки и благословения.

В-четвертых, продолжающаяся реформация это постоянное обновление в своем понимании и соучастии в миссии Бога.

Мы должны публично исповедовать и раз и навсегда уяснить, что миссия, о которой учит церковь, – это не наша миссия, но Божья, что мы лишь соучастники в ней. Бог трудится в мире и не оставляет его без надежды. И когда мы чего-то не понимаем или что-то нас застает врасплох, мы лучше чувствуем, что мы лишь часть Божьего плана и должны быть скромными и

послушными в выполнении нашей ограниченной и явно не главной роли.

При этом никто из нас не останется без призвания и дара. Каждый может найти свое особое место. Поэтому мы говорим о разных подходах к миссии в новых форматах – о миссии и церкви «без стен», служении на рабочем месте «с понедельника по пятницу», семье как миссии и прочем.

Находясь в узах, апостол Павел напоминал Тимофею, что «для слова Божия нет уз» (2 Тим. 2:9). Сегодня мы можем сказать, что для слова Божия нет карантина, хотя мы сами закрыты на карантин. Творческие подходы к благовестию и свидетельству важны как никогда ранее.

Наше понимание миссии было ограничено нашими церковными интересами, законами общества, кругом общения. Мы вращались по своим орбитам, не пересекаясь с другими. Как должен измениться наш взгляд на миссию в условиях неопределенности, когда прежние связи распались, когда все оказались в одинаковых условиях растерянности и потерянности? Не только церковь, но и общество вскоре ожидает новая сборка, переподключение после карантина. Как мы собираемся использовать эти возможности для обновления наших отношений с людьми? Какие формы миссии станут актуальными и влиятельными в момент формирования новой «нормы»?

В-пятых, продолжающаяся реформация – это внимание и послушание Духу Святому в понимании и толковании знаков времени, покаянии и смирении перед Главой Церкви, обновлении и мобилизации церкви для свидетельства миру.

Когда нам нечего сказать, приходит время слушать, «что Дух говорит Церквям». Это время растерянности, молчания, смирения, слушания и послушания может быть самым продуктивным для обновления церкви и ее миссии. Мы должны быть благодарны Богу за эту паузу.

То, что мы и наши церкви оказались застигнутыми врасплох пандемией растерянности и страха, говорит о том, что мы стали частью привычного образа мира, мы перестали понимать знаки времени, мы стали довольствоваться нашими успехами и позициями.

Мы жили так, будто жить будем долго, будто все суды свершатся после нас, будто все болезни последнего времени обойдут церковь стороной.

Но теперь не только люди, но и церковь спрашивает: что происходит, что будет дальше, что делать?

И здесь нужно сказать, что мы знаем, что нам надлежит делать. Правда, мы думали, что у нас так много времени, что можно это делать не спеша.

Теперь в нашу личную, общественную и церковную жизнь возвращается чувство срочности и неопределенности. Каждый миг может быть последним. Поэтому все важные дела нужно делать срочно. А неважные нужно отбросить вовсе.

Здесь уместно напомнить важные апостольские слова: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7:29-31).

В переводе Радостная Весть этот отрывок звучит еще более сильно:

«Я вот что, братья, имею в виду: времени остается в обрез, и надо, чтобы те, у кого есть жены,

жили так, словно неженаты; те, которые плачут, словно не плачут; те, которые счастливы, словно несчастны; кто что-то приобретает, словно ничем не владеет; и тому, кто занят земными делами, не надо в них целиком погружаться. Потому что мир в его нынешнем облике уходит безвозвратно».

Я хочу оставить свой последний вопрос риторическим: как должна измениться церковь, акценты в ее миссиологии, все ее служения, проповеди, пения, молитвы, финансы, решения, планы в свете этой неопределенности? Не освобождает ли эта неопределенность нашу церковь от занятости собой и своими внутренними задачами для более преданного и полноценного служения Богу и Его миссии в этом мире?

Михаил Черенков,
международный директор Mission Eurasia